

5 В мире
прекрасного

ОРЛИНЫЙ ПОЛЕТ

СВЯТОСЛАВ РИХТЕР Пианист большого таланта и удивительной судьбы. Не много найдется музыкантов-исполнителей, пользующихся столь широкой известностью и чистой славой.

Игра Рихтера озарена каким-то особым внутренним светом. Она строга, безыскусственна, проста и вместе с тем необычайно возвышенна. Не знаешь, чему больше удивляться — живому ощущению музыки или совершенству воплощения. Каждая мысль, каждое движение, каждый штрих доведены до отточенной и завершенной формы.

Искусство музыкального исполнения — необычное искусство. От него во многом зависит судьба музыкального произведения. Исполнитель может вдохнуть в него жизнь, сделать прекрасным, а может и омертвить, надолго отбив охоту слушать его и наслаждаться им.

Картина, созданная художником и выставленная для обозрения, доступна каждому. Музыкальное произведение, написанное композитором, чтобы стать доступным, должно еще прозвучать: оно как бы заново рождается при исполнении.

Естественно, что исполнитель не вправе быть бесцветным, пассивным передатчиком авторской воли. Исполнять — это значит творить, это значит воссоздавать по-своему все услышанное и осознанное слухом и разумом. Необходимо выработать в себе умение повелевать звуками, придавать им определенную форму, рельеф и окраску. Нужно так овладеть музыкальным инструментом, чтобы суметь передать свои представления и чувства слушателю, не выпуская его из того душевного подъема, на который он поднялся.

Вот Рихтер и является таким повелителем звуков. Он в состоянии не только с поразительной точностью воспроизвести авторский текст, но и согреть его живым человеческим чувством. Он не только бережно пользуется готовым, чужим, но и создает нечто новое, свое.

Рихтер сыграл на концертной эстраде множество музыкальных произведений. Бах, Гайдн, Моцарт, Бетховен, Шуберт, Шуман, Шопен, Лист, Брамс, Чайковский, Рахманинов, Скрябин, Прокофьев, Дебюсси, Равель, Барток, Шостакович — сколько здесь авторских индивидуальностей, сколько различных стилей! Но Рихтер у каждого композитора (и в каждом произведении) находит самое характерное, самое сокровенное и потаенное.

Прежде чем исполнять, он на редкость ясно и четко представляет то, что должно быть исполнено. Любое сочинение, будь оно даже гигантских размеров, лежит перед ним, по удачному выражению его учителя Г. Г. Нейгауза, «как огромный пейзаж, видимый сразу целиком и во всех деталях с орлиного полета, с необычайной высоты и с невероятной ясностью». Рихтер отлично понимает, что если эта ясность недостаточна, то исполняемое произведение передается не в полной мере и подчас предстает в затуманном, фальшиво усложненном, а стало быть, и искаженном виде.

Техника у Рихтера блистательная, порой кажущаяся невероятной, но она даже не замечается: настолько пианист погружен в самую стихию музыки, настолько все средства исполнения подчинены раскрытию сути произведения.

Мастерство не далось Рихтеру сразу, не при-

В эти дни Святослав Рихтер выступает с колоссальным успехом за океаном. Его называют «феноменальным артистом», «художником несравненной внутренней мощи», «легендарным пианистом»...

18 декабря, вернувшись в Нью-Йорк после большой гастрольной поездки по городам США и Канады, Святослав Рихтер дал концерт в «Карнеги-Холл».

шло само собой. На пути пианиста встречались и отклонения и отступления, были перепутья, зигзаги и блуждания, но основная линия развития оставалась неизменной. Изюм в день, из месяца в месяц вел он напряженную, суровую борьбу за ясность и совершенство исполнения.

Его музыкальная судьба сложилась необычно. В детстве он не занимался систематически фортепьянной игрой, и, казалось, ничто не предвещало в нем будущего пианиста.

Он родился 20 марта 1915 года в Житомире, в семье музыканта-органиста, вырос в Одессе, среди людей с широкими запросами. С ранних лет он был предоставлен самому себе. Отец познакомил его лишь с основами музыкального искусства. И это, в сущности, было все, что получил он по части специального образования. Ни в какой музыкальной школе он не учился, никаких теоретических предметов не проходил. Зато непрерывно шли воспитание и обогащение его художественного вкуса. Он часто слушал хорошую музыку, восхищался ею, стремился познакомиться с лучшими образцами музыкальной литературы. Он много читал, размышлял, анализировал. У него было непреодолимое стремление к искусству в широком смысле слова. Так, в детские годы он не только сочинял музыкальные произведения, но и пытался писать драмы. Театр был для него подлинным открытием.

Особенно полюбил он оперу. В ней находил он яркие драматические положения, образы, музыкальные характеристики, краски — словом, все то, что тогда волновало его юношеское воображение. По собственному признанию, именно знакомство с оперной, а позднее и с симфонической литературой научило его свободному чтению нот с листа (в этом отношении Рихтер почти не знает себе равных). Любил он также импровизировать на собственные и заданные темы, до самозабвения увлекался живописью (эта страсть усилилась в последние годы).

Совсем еще мальчиком Рихтер стал принимать участие в художественной самодеятельности; одно время состоял он в музыкальном кружке при одесском Доме моряков. Дружба с одаренными людьми, исполнение музыкальных произведений перед широкой аудиторией способствовали его художественному росту. В мае 1934 года в одесском Доме инженеров он дает свой первый самостоятельный концерт.

Вскоре он поступает на работу в Одесский оперный театр, сперва в качестве концертмейстера балета, затем — концертмейстера оперы. Его помыслы, несмотря на огромные успехи в фортепьянной игре, все еще направлены к другому: он мечтает стать дирижером.

Только в 1937 году, когда он переезжает в Москву и поступает в консерваторию, в класс Г. Г. Нейгауза, ясно определяется его путь в искусстве. Начинаются годы систематической работы. За какие-нибудь пять-шесть лет он переиграл такое количество произведений, что иному пианисту не осуществить этого и в течение десятилетий. Имя Рихтера все чаще появляется на афишах, и с 1942 года он безраздельно отдает себя фортепьяно. Концерты его следуют один за другим, один лучше другого. В конце 1945 года на Всесоюзном конкурсе музыкантов он получает первую премию.

Несомненно, чтобы сделать все то, что сумел сделать Рихтер в столь короткое время, и, главное, чтобы в такое же короткое время продвинуться еще дальше вперед и стать выдающимся пианистом современности, надо было обла-

дать не только исключительным природным дарованием, но и трудолюбием, настойчивостью, сильной волей.

Путь Рихтера в искусстве — это прежде всего путь огромного сосредоточенного труда. Он играет, играет и вновь играет, добываясь все большей ясности и точности выражения. Он стремится довести свои замыслы до такой степени простоты, чтобы каждый чувствовал силу и мудрость этой простоты. Он стремится до конца овладеть искусством перевоплощения.

Вот, например, знаменитые, обошедшие весь мир «Картинки с выставки» Мусоргского. В них великий композитор средствами музыки поразительно ярко воспроизвел живописные зарисовки своего друга — архитектора и художника Гартмана. С почти пластической осязательностью передает Рихтер красочную цепь образов: причудливый гном, неуклюже шагающий на своих кривых ножках; странствующий трубадур, который печально поет перед стенами старого замка; дети, резвящиеся в саду; тяжело передвигающаяся на огромных колесах телега; юмористический, шутливо-грациозный «балет невылупившихся птенцов»; гротескные бабы, ожесточенно бранящиеся на рынке; мрачные, с густыми тенями катакомбы; стремительно несущаяся, жесткая по контурам «Баба-яга» и, наконец, величественные «Богатырские ворота».

В исполнении Рихтера все эти «картинки» воспринимаются не только каждая в отдельности, но и в общей связи, как части единого целого. Объединяющие разрозненные песни-картинки, небольшие эпизоды «Прогулки» служат Рихтеру как бы своеобразным лейтмотивом, выражающим отношение исполнителя к пестрой галерее воссоздаваемых им красочных образов. Как тонко, например, передает пианист в каждом конкретном случае меняющееся настроение и характер «Прогулки»! Как естественно и в то же время неожиданно, будто остановившись перед внезапно поразившим его воображение зрелищем, переходит он от «Прогулки» к отдельным картинам! И как мастерски подготавливает и воспроизводит он заключительную пьесу цикла «Богатырские ворота», где от широких аккордов и ликующего перезвона колоколов так и веет каким-то беспредельным простором, привольем, исполинской эпической мощью. Здесь, как и в других пьесах, нет ни одной лишней подробности, которая заслоняла бы общую идею и характер музыки.

Игра Рихтера как бы «весомая», «эри-ма» и вместе с тем нисколько не похожа на внешнюю образность иных пианистов. Она не в ходульной приподнятости чувств и образов, не в поверхностной картинности — она в жизненной глубине, обобщенной мысли, лаконичности и сжатости выражения.

Рихтера невозможно увлечь дешевым эффектом. Что бы он ни исполнял, большое или малое, он всегда играет с «высоких позиций». Каждое его исполнение — плод серьезных раздумий. В нем всегда есть что-то особенное, что-то такое, что сразу же неотразимо влечет к себе слушателей.

Это — настоящее, большое искусство, и не случайно оно покоряет сердца миллионов людей.

Я. МИЛЬШТЕИН,
доктор искусствоведения.

